

Д.О. ЛАБАУРИ. Евангелие и револьвер: Социальные и психологические основы болгарской национальной революции в Македонии и Фракии в конце XIX — начале XX в. СПб., 2018. 328 с.

DOI: 10.31857/S0869544X0004771-1

В 2018 г. вышла вторая книга екатеринбургского историка Д.О. Лабаури, специалиста по болгарскому национальному движению в Македонии на рубеже XIX—XX вв. В первой монографии он ставил целью показать характер этого движения, «исследовать содержание и особенности национальной идеологии и программных установок данного движения, факторы их формирования и трансформации, а также эффективность и результаты применения на практике» [1. С. 23], и основным «персонажем» стала полулегальная Внутренняя македонско-одринская революционная организация (ВМОРО). Теперь же Лабаури сделал резкий методологический разворот и обратился к проблеме в более интересном и значительно более сложном ракурсе, поставив во главу угла не элиты, а само население. Такой подход, как он отметил, невозможен «без реконструкции ментальной и социальной повседневности македонского болгарина на рубеже XIX—XX вв., без воссоздания коллективного психологического портрета мобилизованного для борьбы болгарского общества в Македонии и Фракии в конце XIX — начале XX в.» (с. 16). Условно говоря, целью книги стал ответ на вопрос: почему болгарское население Македонии и Фракии шло на жертвы ради свободы, и к чему это привело?

Данная тема весьма интересна, поскольку, как отмечалось очевидцами в середине XIX в., а позже и участниками русско-турецкой войны 1877–1878 гг.,

далеко не все болгары были готовы ради собственной свободы идти на подвиги. В монографии Д.О. Лабаури исследует то болгарское население, которое по решению Берлинского конгресса 1878 г. осталось в рамках Османской империи, но отбросило, как он выразился, «ценностные установки поколения 1840–1850-х годов, прекрасно описанного Любеном Каравеловым в его эпохальном произведении “Болгары старого времени”» (с. 45).

Ответ на главный поставленный вопрос дается в книге в виде описания нескольких, по определению автора, революций. Первой указана «демографическая и поколенческая революция», объясняющая всплеск насилия и обращения к террористическим методам борьбы с турками тем, что большую долю населения составляла молодежь, среди которой радикальные идеи находили отклик. Это в свою очередь вылилось в конфликт поколений — родители категорически выступали против желания сыновей отправиться сражаться за свободу (как тут не вспомнить, за что лидер Первого сербского восстания получил свое прозвище). Вторая революция, — социально-статусная — процесс изменения социального и экономического положения болгар в Европейской Турции, что повлекло неприятие ими собственной подчиненной роли и породило «претензии на новую, доминирующую, социально-политическую роль» (с. 44). Далее показано, как распространялись идеи, в результате действия которых

«тысячи невидимых нитей сознания [...] начали связывать этот бывший гедонистический этнос в новую нацию» (с. 47). Немалую роль в данном процессе играла школа, в которой под абсолютно легальным прикрытием учителя растили будущих революционеров.

Для объяснения причин успешности распространения революционных идей Лабаури описал и положение турок в регионе. Среди них царили апатия, фатализм и неверие в собственные силы, что порождалось в том числе и разочарованием в государстве, где они являлись титульной нацией. В итоге, как резюмируется, «такие понятия, как честь, достоинство, национальная гордость, патриотизм, общественный долг, которые становились сверхценностями для подрастающего поколения болгар, были почти незнакомы их турецким сверстникам» (с. 77–78).

Описанные процессы в конечном счете породили конфликтность, в основе которой лежала и личная месть туркам за какие-то притеснения близких или самого мстителя, но существовали и «абстрактные мстители за народ», чьи мотивы коренились, прежде всего, в прошлом. Отметим, что этому чувству не были чужды и болгары, жившие к тому моменту в своей собственной стране. «Страшна [...] месть освобожденного от пятивекового кошмара многострадального населения», — писал журналист Н.П. Мамонтов, наблюдавший поведение болгар во время Балканских войн 1912–1913 гг. [2. С. 66]. Однако потомкам османов противопоставить этому было нечего, и слова историка служат им горьким приговором: «Народ, утративший идеалы, а также волю к созданию и борьбе, должен был неминуемо уступить место более пассивным соседям» (с. 112). Само использование данного термина, как и частое обращение к спорной теории Л.Н. Гумилева, сложно признать продуктивным. Автор признает, что основа этой концепции является элементом «квазинаучной фантастики» (с. 9), однако в таком случае концепция не дает никаких объяснений. Гипотеза самого Д.О. Лабаури («людьми движут идеи и идеалы, соединенные с множеством других вспомогательных социальных, экономических, политических и психологических факторов» (с. 9)) в этом плане намного более научна и перспективна. В то

же время могло бы принести пользу обращение к социальной психологии, хотя бы к работам С. Московичи (напр., [3]).

В последующих главах предстает яркая картина, напоминающая процессы, протекавшие при распаде многонациональных государств в конце XX в. В Македонии фактически возникло собственное теневое государство, вершившее суд и собиравшее налоги. Местное население активно включилось в построение собственного идеального общества, в том числе и борясь с женским распутством. В конечном счете реальными хозяевами этих земель стали представители революционной организации ВМОРО. Читая описание творившегося, невольно начинаешь искренне сочувствовать туркам, быстро превращавшимся из господ в засидевшихся гостей. Им оставалось либо бежать, либо ждать расправы, в то время как официальные власти, призванные их защищать, в происходившие процессы не вмешивались или шли на уступки незаконным формированиям.

В следующей части книги Д.О. Лабаури сосредоточил внимание в основном на политических событиях. Хотя он и указывает, что «новая революционная элита и болгарское общество в Македонии и Фракии разговаривали на одном понятийном языке, были ментально и ценностно близки друг другу» (с. 235), но, на мой взгляд, ставить знак тождества между людьми, посвящающими себя борьбе, и обывателями нельзя. С другой стороны, в книге показаны масштабы поддержки в стране этой элиты, и процесс самоорганизации народа, что ярко воплотилось в Ильинденско-Преображенском восстании 1903 г., которому посвящена отдельная глава. Нельзя не отметить, что, хотя и удивляет активное и сознательное участие женщин в тех событиях, не возникает ощущения полного участия в них населения, как и остается не ясно, был ли преодолен поколенческий конфликт, описанный в первой главе.

Тем не менее восстание потерпело поражение, Болгария не пришла на помощь соплеменникам (на что вряд ли была и готова), и началась, по словам автора, деграция как ВМОРО, так и самой национальной идеи среди болгар Македонии. В качестве последнего аккорда Д.О. Лабаури рассматривает Балканские войны

1912–1913 гг. В связи с описанием этих событий хотелось бы сделать несколько замечаний. 29 февраля (13 марта) 1912 г. был заключен сербско-болгарский договор, в тайном приложении к которому оговаривались будущие приращения в случае войны с Турцией, фактически — раздел Балкан, в том числе и Македонии. Эти договоренности автор назвал «крупным успехом дипломатии Болгарского государства, впервые с момента своего восстановления в 1878 г. нашедшего общий язык по территориальным вопросам со своей неуступчивой западной соседкой» (с. 291). Однако вплоть до 1911 г. одними из столпов болгарской внешней политики являлись неделимость Македонии и требование предоставить ей автономию, что рассматривалось как этап к дальнейшему национальному объединению. Сербь же готовы были на раздел и предлагали его еще в 1904 г., но именно в Софии идею отвергли [4. С. 184–185].

Необходимо указать и на ряд упущений автора. Например, вызывает вопросы утверждение, что «феномен “Молодой Болгарии”, как и феномен “Молодой России”, “Молодой Сербии” и т.д., характерный для крестьянских обществ второй половины XIX — начала XX в., был уникален и неповторим в их дальнейшей истории» (с. 20), поскольку «Молодой Россией» называлась монархическая и фашистская организация русских эмигрантов. Представляется спорной идея экстраполяции реалий сербского общества на болгарское, а слова об обладании ими «похожим менталитетом и похожей иерархией ценностей» (с. 87) — не обоснованными, поскольку и в XIX, и в XX в. наблюдатели отмечали огромную разницу между сербами и болгарам в отношении к труду, войне и т.д. (см: [5]).

Нельзя обойти стороной и дискуссионную проблему — проблему модернизации на Балканах на рубеже XIX–XX вв. Д.О. Лабаури выразил несогласие с оценкой этой модернизации как имитационной. В этом (правда, не называя имен) он, очевидно, полемизирует с постулатами, выраженными в последних трудах А.Л. Шемякина и Р.П. Гришиной [6–7], которых, видимо, и причислил к «современным западноцентричным исследователям-глобалистам» (с. 295) (чему они очень бы удивились). Автор обосновывает

свою позицию тем, что нельзя сравнивать балканскую модернизацию с западной в силу различных условий и иных задач, что справедливо. Но в то же время, если обратиться к формальным атрибутам государственности в Сербии и Болгарии, то мы увидим копирование европейских образцов — конституционную монархию, выборный парламент, законы о всеобщем образовании; да в конце концов и сам внешний вид городов, прежде всего Софии, указывал на то, где искали вдохновения преобразователи Балкан. Другое дело, что реальное содержимое этих европейских явлений было совершенно иным, с «балканским акцентом», а это зачастую и являлось имитацией, позволяя в свое время Л.Д. Троцкому, не раз посещавшему Балканы, назвать эти страны «запоздалыми» [8. С. 37]. Однако рассматриваемый в книге материал логично приводит исследователя к выводу о «модернизации-мобилизации», состоящей «в мобилизации национального самосознания и национального чувства, а также в массовом вовлечении населения в национальное движение, что подразумевалось в качестве необходимых условий для политического освобождения и объединения всей нации в одном государстве» (с. 294).

Указанное противоречие проистекает из двух главных проблем книги. Первая связана с тем, что как данность принимаются заинтересованность и участие в освобождении Македонии населения Болгарии. Однако немалая доля его желала прежде всего развития своей страны и возможности приложить собственное трудолюбие для достижения личного благополучия. Недаром политика Болгарии после 1885 г. под руководством С. Стамболова была сосредоточена на росте экономики, внешнеполитические вопросы откладывались на далекое будущее (за что бывший премьер в 1895 г. и был убит македонскими деятелями). Болгар называли в то время «пруссакими» и «японцами» Балкан за их достижения отнюдь не в деле национального объединения. А активизация государственной политики, направленной на пестование настроений, согласно которым требовалось выступить на помощь «братьям по ту сторону Рилы и Родоп», приходится на время угасания революционной идеи в Македонии (см. [9]).

Вторая проблема книги — источниковедческая. Д.О. Лабаури при реконструкции той самой «ментальной и социальной повседневности македонского болгарина» опирается в первую очередь на источники личного происхождения, созданные активными деятелями македонского революционного движения. Однако надо иметь в виду, что зачастую эти тексты создавались именно для публикации, т.е. являлись, по выражению М. Блока, «намеренными свидетельствами», в силу чего к ним нужно подходить с большой долей критичности и стараться диверсифицировать источники. Осторожнее следовало бы апеллировать и к этнической карте Балкан, составленной В. Кынчовым, которую сербские историки называют не иначе как «пропагандистской» [10. С. 34]. Данную оценку сложно признать взвешенной и объективной, но необходимо учитывать, что В. Кынчов являлся учителем, а затем и директором болгарской гимназии в Салониках, которую сам же Д.О. Лабаури называет «главным поставщиком революционных кадров для Македонии и Фракии» (с. 56). Все это делает книгу довольно уязвимой в плане доказательств новаторской и интересной концепции автора.

Ну, и, наконец, скажу несколько слов о романтическом, но вызывающем вопросы заголовке. Сам автор его объясняет, указывая, что данные предметы являлись основными атрибутами посвящения в члены «возникшей в Македонии в 1893 г. болгарской ирредентистской организации, более известной как ВМОРО» (с. 7). Подзаголовок у отечественного читателя может породить вопрос о термине «национальная революция», но у читателя из Северной Македонии слова именно о болгарской национальной революции в Македонии и вовсе могут вызвать нервную реакцию. Потому интересен и заслуживает внимания взгляд Д.О. Лабаури на то, как сформировалась отдельная македонская нация. Отвергая идею о «рождении» македонцев в XIX в. или его привязку к существовавшему в начале XX в. в Петербурге Македонскому литературному обществу, исследователь связывает данный процесс с последствиями Ильинденско-Преображенского восстания. Этот точный и примечательный вывод стоит привести полностью: «Именно

эти представления об отдельной исторической судьбе македонцев, особенно после провала очередной и последней объединительной попытки Болгарии в 1941—1944 гг., явились объективной предпосылкой для начавшегося в середине XX в. процесса складывания новой македонской нации. Они, а вовсе не навязанные силами и методами тоталитарного государства в СФРЮ искусственно кодифицированные элементы македонского этноязыкового своеобразия, стали фундаментом новой идентичности. Сердцевинной этих представлений и соответственно новой идентичности стала пустившая первые корни еще после Ильинденско-Преображенского восстания коллективная обида на Болгарию, которая не сумела защитить и спасти своих поработанных соотечественников» (с. 290—291).

Таким образом, при всех оговорках, Д.О. Лабаури представил серьезный труд, основанный на широком круге источников (в том числе и на большом массиве неопубликованных), и поставил вопрос, который до этого исследователи молчаливо обходили либо же давали ответы неудовлетворительного качества. Дан ли ответ в этой монографии — судить читателю, но, бесспорно, работа вносит существенный вклад в достижение научной истины. Указанная книга для одних может стать настольным справочником по болгарскому национальному движению, для других — отправной точкой для новых исследований, для кого-то — интересным чтением про балканские горячие головы, но в любом случае Д.О. Лабаури был прав, и взявшись за реализацию этой задумки, и давая книге такой подзаголовок.

© 2019 г. *Н.С. Гусев*
gusevns@mail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Лабаури Д. О.* Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894—1908 гг. Идеология, программа, практика политической борьбы. София, 2008.
2. *Мамонтов Н. П.* С болгарскими войсками от Балкан до Чатаалджи. М., 1913.
3. *Московичи С.* Век толп. М., 1996.
4. История на Нова България. 1878—1944. София, 2006. Т. III.

5. *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия // Новая и новейшая история. 2013. № 4.
6. *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX – начале XX в. Приоритеты развития // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012. М., 2014.
7. Человек на Балканах: Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. / Отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2016.
8. *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011.
9. *Кайчев Н.* Македонийо, възжелана... Армията, училището и градежът на нацията в Сърбия и България (1878–1912). София, 2006.
10. *Тимофеев А.Ю., Живанович М.* «Работа комиссии провалена... потому, что один из ее членов – открытый неприятель Сербии и Греции». Взгляд из Белграда на пропагандистский удар по Балканам в 1913–1914 гг. и его повторение через 79 лет // Военно-исторический журнал. 2017. № 5.